

Расстрелянные на всякий случай

Рассекреченные документы Центрального архива ФСБ России – о развязке сфабрикованного в 1921 году дела «Белые офицеры»

На исходе Гражданской войны, когда победа красных уже была достигнута, в тюрьмах и лагерях Советской России оставалось много пленных белогвардейцев. Кого-то из них освобождали и даже принимали на службу в Красную армию, других уничтожали, для чего порой не требовалось сколько-нибудь серьезной вины. Именно такой оборот принял дело «Белые офицеры», в рамках которого в 1921 г. были расстреляны все его 50 фигурантов.

Эти документы рассекречены только в 2023 г., благодаря чему появилась возможность установить их судьбы.

Дело против пленных

Началось все в Москве в конце 1920 г. В советскую столицу тогда свозили со всей страны пленных белых офицеров. Содержали их в тюрьмах и лагерях. Ранее они проходили фильтрацию по местам пленения в Особых отделах, следственных комиссиях и ревтрибуналах, где их проверяли на причастность к карательным действиям и иным преступлениям. После фильтрации некоторые даже успели послужить в Красной армии, однако затем вновь подвергались арестам и отправлялись в Москву.

Фигуранты дела никак не были между собой связаны — служили на разных фронтах и в различных армиях, не предпринимали каких-то общих действий. Их объединял лишь факт нахождения на территории белых. Более того, некоторые у белых не служили и никогда против красных не воевали. Расследование вела ВЧК по результатам повторной фильтрации. Однако серьезных следственных действий не проводилось — свидетели не допрашивались, доводы арестованных не проверялись и не учитывались. Не все арестованные были офицерами. В списках фигурировали несколько рядовых и даже сестра милосердия.

Все дело, хранящееся в Центральном архиве ФСБ России, уместилось в два тома. В первом — следственные документы, во втором — бумаги фигурантов, их родных и близких, переписка.

Фигуранты

В деле значатся два генерала, восемь полковников, два войсковых старшины, 34 обер-офицера, двое рядовых, полицейский пристав и даже одна женщина. Основная масса арестованных попала в плен на Южном или Восточном фронтах — 40 и 8 соответственно. По одному пленному было с белого Севера и Северо-Запада.

° 1, 2

Генерал К.М. Слесарев (1870-1921) — начальник Оренбургского казачьего училища.

Среди арестованных хватало интересных фигур. Например, генерал К.М. Слесарев — талантливый военный педагог и начальник Оренбургского казачьего училища. В Гражданскую войну училище оставалось в Оренбурге, затем эвакуировалось в Уральск, позднее вновь вернулось в Оренбург, откуда при отступлении белых было отправлено в Иркутск. Там в начале 1920 г. Слесарев был арестован при смене власти. В анкетах и на допросах он говорил, что лишь исполнял приказы белого командования¹. В марте 1920 г. Слесарева отпустили за отсутствием состава преступления, тем более что за него ходатайствовали многие его знавшие. Эти ходатайства в советских условиях очень показательны.

11 февраля 1920 г. было подано такое: «Мы, подписавшиеся ниже, считаем своим долгом просить об освобождении содержащегося в местной губернской тюрьме нашего бывшего начальника Константина Максимовича Слесарева.

Хорошо узнав его за время совместной службы, мы свидетельствуем, что он всегда

2

сердечно и мягко относился к нам, и ко всем вообще младшим и подчиненным, никогда не делая разницы между нами; что мы никогда не видели от него какой-либо несправедливости, и что он всегда пользовался среди служащих училища полным уважением и искренними расположением и любовью². Ходатайствовали и казаки 1-й советской Оренбургской отдельной казачьей сотни, просившие отдать им генерала на поруки: «Человек он честный, слова своего не нарушит»³. Возможно, на освобождение повлияли также медицинские документы, приложенные к делу, и то, что генерал почти ни в каких контрреволюционных действиях замешан не был.

Однако 1 мая Слесарева вновь арестовали, после чего на свободу он уже не вышел.

Единственным «северным» пленным являлся 37-летний полковник Л.В. Костанди. При эвакуации белых из Архангельска в феврале 1920 г. он, разочаровавшись в прежней борьбе, решил остаться в качестве командующего Архангельским округом и коменданта, чтобы сохранить порядок в городе. Но уже в марте красные его арестовали и доставили в Москву, а в 1921 г. расстреляли за причастность к репрессиям при белых на Севере.

Единственным пленным северо-западником был полковник А.О. Цыбульский — ветеран обороны Порт-Артура, георгиевский кавалер и командир 23-го Кочановского полка. Обстоятельства его плена драматичны. Как свидетельствовал командир роты 83-го стрелкового Новгородского полка РККА Смирнов, 6 ноября 1919 г. Цыбульский «бежал и был нами пойман за деревней Сельцы со своим денщиком, когда я подбежал к нему и, увидав на груди его георгиевский крест и старую офицерскую кокарду на фуражке, я сказал, что Вы офицер, но он не соизнавался и говорил, что Я фуражир, и так не добившись от него, что он командир 23-го Коча-

Полковник
А.О. Цыбульский
(1875–1921).

Полковник
Л.В. Костанди
(1883–1921).

Офицеры и юнкера
Оренбургского юнкерского казачьего
училища. 1912–1916 гг.
В центре — генерал
К.М. Слесарев.

новского полка..., я стал отправлять его в штаб батальона, но противник, видя, что мы заняли деревню, открыл ураганный огонь, полковник Цыбульский делал попытку бежать, но был пойман за рукав шубы, чем и пришлось его задержать»⁴. На допросах офицер утверждал, что будто бы организовал переход полка к красным и открыл частям РККА путь на Гдов⁵. Под арестом офицер провел около полутора лет, после чего был расстрелян.

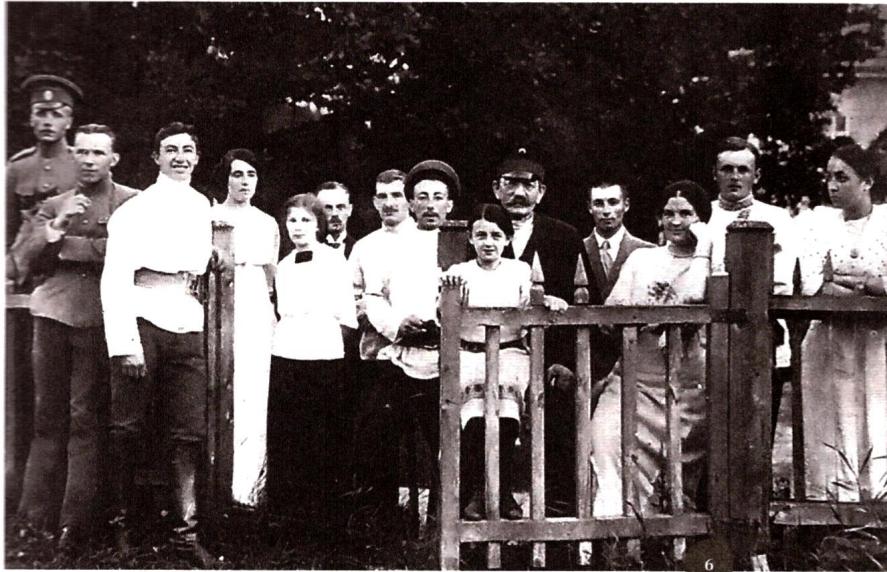
Причины попадания в плен различались. Кто-то сдавался добровольно, кто-то вынужденno. Ротмистр И.А. Плюцинский в 1918 г. арестовывался у атамана Г.М. Семенова и относился к царившим в Забайкалье порядкам неприязненно. Поэтому, когда белые в 1920 г. отступали в Забайкалье, он предпочел сдаться красным. Такое решение оказалось для офицера фатальным, хотя против красных он даже не воевал.

Арестантка

По делу проходила 24-летняя сестра милосердия Вера Энгельгардт, служившая в лазарете Красного Креста у Деникина. Энгельгардт была идейной участницей Белого движения — она прошла легендарный для белых 1-й Кубанский (Ледяной) поход, ездила с тайной миссией в Советскую Россию и даже намеревалась совершить покушение на кого-то из большевистских вождей. «Эта девушка была сильная, умная, тип Толстого и Тургенева, без болезненности достоевских героинь и без милого ничтожества героинь Чехова»⁶.

На допросе она показала, что в 1920 г. принимала участие в отступлении белых до Тирасполя, а после с войсками генерала Н.Э. Бредова по Днестру ушла в Польшу, где бредовцев интернировали, а затем перевезли в Крым к генералу П.Н. Врангелю. В дальнейшем участвовала в белом десанте на Кубань, где и попала

бывший титулярный советник В.С. Икорский писал о своем политическом настроении, сделав акцент на классовой близости к тюремщикам: «Я сторонник народного правительства, стоящего за интересы трудящегося и так называемого немимущего пролетарского класса, ибо сам вырос в нищете»¹⁴.

Некоторые терялись перед вопросами о политике. Так, 39-летний полковник П.Н. Берлов, служивший на белом Юге, сообщил, что «не знал сущности октябрьской революции. Мои убеждения — благо русского народа во-первых и благо всех — во-вторых»¹⁵. Войсковой старшина-колчаковец Н.И. Склаунди бесхитростно ответил, что «в 1918 г. Сов[етская] власть не имела твердой почвы, и я понятия никакого не имел, были тогда напуганы массами убийств, и офицерство было запугано и боялось расправы»¹⁶.

Иногда лояльность подчеркивали путем отрицания службы у белых. Например, кубанский казачий генерал П.П. Орлов утверждал, что не служил ни в одной из белых армий. Это было так лишь с формальной стороны, поскольку Орлов являлся начальником канцелярии военного ведомства Кубанского края¹⁷. На это противоречие обратили внимание и в Особом отделе ВЧК¹⁸. Ротмистр Плюцинский указал: «Считаю, что Советская власть удовлетворяет большинство русского народа и единственная в настоящее время власть, способная твердо вести... Россию к лучшему будущему»¹⁹.

Многие стремились «смыть позорное пятно» участия в Белом движении, служить по прежней военной специальности в Красной армии, а генерал П.П. Орлов, наоборот, указал, что имеет склонность к садоводству, огородничеству и пчеловодству²⁰.

Следствие особенно интересовало причастность арестованных к террору (не только к расстрелам, но и к поркам населения). Полицейскому приставу Икорскому, служившему у белых на Юге России, пришлось написать целую страницу объяснений по этому поводу, причем он утверждал, что якобы поступал «вразрез с их кошмарными зверствами, делал так, как требовала от меня моя совесть»²¹.

Почему их расстреляли?

В конце 1920 — начале 1921 г. на всех арестованных управлением Особого отдела ВЧК были составлены обвинительные заключения за службу у белых и постановления с предложением Коллегии ВЧК применить высшую меру наказания. Ничто не являлось смягчающим обстоятельством — ни служба по мобилизации, ни неучастие в боях или в карательных мероприятиях.

Формулировки заключений красноречивы. Например, о полковнике Д.П. Турбине сказано: «Отъявленный реакционер, неисправимый сознательный враг сов[етской] власти, получил 2 чина у Колчака, занимал ответственные

в плен⁷. Как выяснилось, брат Веры также служил у белых и погиб.

В деле сохранились показания против Энгельгардт, написанные полуграмотным свидетелем, который участвовал во взятии ее в плен (фамилия его неразборчива, сохранена орфография оригинала): «При взятии в плен мне пришлось с нею говорить о политике, где она открыто говорит, что они побидят и когда ей приложили служит в нашем полку, то она сказала, что я ище посмотрю... Эта систра опасный звер и как можно осторожным [с ней быть]»⁸. Далее было зачеркнуто пояснение, почему требовалась осторожность: «Потому что она довольно с большим об разованием»⁹.

Интересно, что следствие точно не установило, с какого времени Энгельгардт находилась у белых, хотя возникали предположения, что речь шла примерно о двух годах службы¹⁰. Якобы в какой-то анкете в качестве политических убеждений она указала: «Власть царю, землю народу» (в анкетах из дела такой записи не нашлось), а на следствии говорила, что сочувствует монархии и отрицательно относится к Советской власти¹¹.

Анкеты

Среди анкет арестованных, пожалуй, интереснее всего ответы на вопросы об отношении к текущим событиям и к новой власти. В одних случаях арестованные отвечали искренне, в других — лукавили, стараясь понравиться своими ответами допрашивающим и опасаясь наказания за неосторожные слова. Полковник И.М. Рытиков, ветеран деникинской армии, в анкете от 19 ноября 1920 г. указал: «Сочувствую народному движению в данный момент»¹². Войсковой старшина В.В. Суровцев отмечал, что стоит на платформе советской власти и желает ей служить¹³. О сочувствии большевикам заявил даже генерал Слесарев. Вряд ли такие заверения выглядели убедительно. Полицейский пристав,

° 6
Фото семьи Энгельгардт.
Крайняя справа —
Вера Энгельгардт
(1896-1921).
Климово. 1913 г.

° 7
Доска памяти
В.В. Энгельгардт.
Храм-памятник
Св. Иова Многострадального. Брюссель.

° 8
Генерал П.П. Орлов
(1863-1921).

9

должности. Вообще сволочь»²². О ротмистре И.А. Плюцинском: «Элемент неисправимый. Усмирял иркутское восстание. Сознательно боролся с Сов[етской] властью, занимая большие посты. Был вдохновителем белой реакционнейшей армии»²³. О полковнике С.В. Гончаренко: «Тип опасный, доверия никакого не имеет»²⁴. Подпоручика К.М. Четверикова предлагалось расстрелять за службу у белых в течение двух лет «и как студента»²⁵.

На основании подобных заключений Президиум ВЧК 4–5 и 21 февраля 1921 г., а также 1 апреля 1921 г. вынес постановления о расстреле арестованных. Приговоры в исполнение в феврале было решено не приводить до приезда председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского. По-видимому, в итоге санкция на расстрел была получена. После объявления амнистии, в связи с заключением РСФСР международных договоров осенью 1921 г. стали наводить справки, был ли расстрелян корниловец подпоручик М.А. Антуров, родившийся на территории Эстонии²⁶. Однако специалист определил, что Антуров никак не заявлял о стремлении опираться в Эстонию, поэтому амнистия на него не распространялась²⁷.

Полковник В.П. Гавриков был расстрелян как служивший в различных полицейских структурах антибольшевистского лагеря на Украине и белом Юге. Видимо, его даже не допросили — в деле имеются лишь анкета, опросный лист (также анкета), постановление и заключение²⁸.

Расстреляли мобилизованного белыми народного учителя подпоручика И.Т. Сорокина, стремившегося учительствовать или быть агитатором, режиссером и актером²⁹. Не пощадили и подпоручика В.Г. Журавлева, который даже не участвовал в боях с красными, и вся вина которого заключалась в заведовании батальон-

ной лавкой в Корниловском полку. Заключение управления Особого отдела ВЧК гласило, что «Журавлев — офицер реакционного полка Корниловского. Элемент неисправимый, так как в Корниловский полк принимают по рекомендации монархистов»³⁰. То, что это утверждение не соответствовало действительности, никого не волновало. Был казнен и подпоручик-марковец В.Р. Герц — знакомый знаменитого анархиста П.А. Кропоткина инвалид, в свободное время писавший пьесу «Жизнь, любовь и искусство»³¹. За него ходатайствовал даже нарком просвещения А.В. Луначарский, но ничего не добился³².

В феврале 2001 г. фигуранты дела были реабилитированы. Единственным нереабилитированным является кубанский казачий офицер полковник Е.П. Безродный. При белых он состоял председателем чрезвычайного военного суда Камышеватского участка Кубанской области (туда входила и небезызвестная станица Кущевская), организовывал облавы, обыски, аресты тех, кто сотрудничал с Советской властью. По решению суда, возглавляемого Безродным, 11 человек были расстреляны, некоторых били розгами. Население было возмущено, а самого Безродного через три недели отзовали³³. Тем не менее, в 1920 г. его приняли на службу в РККА³⁴, а после расстреляли.

Расстреляли не только всех офицеров и идейную сестру милосердия, но и рядовых. Украинского казака Я.А. Рыбку, мобилизованного белыми в караульную роту, расстреляли как бывшего юнкера и белогвардейца, готового продолжать борьбу. Заключение Особого отдела ВЧК констатировало: «Тип неисправимый, в политическом убеждении неблагонадежный»³⁵. Другого рядового, добровольца Н.С. Альфера, расстреляли за службу в Дроздовском полку, считавшемся особо контрреволюционным.

Латинское изречение «горе побежденным» справедливо для итогов Гражданской войны. Пройдет еще примерно полтора десятилетия и жертвами советской системы станут в том числе работники ЧК, прежде отправлявшие на расстрел за убеждения.

10

Ф.Э. Дзержинский (второй слева) среди сотрудников ВЧК. 1919 г.

° 9

Ротмистр
И.А. Плюцинский
(1891–1921).

¹ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т.1. Л. 27а.

² Там же. Т. 2. Л. 96.

³ Там же. Л. 98.

⁴ Там же. Т. 1. Л. 278.

⁵ Там же. Л. 281.

⁶ Суворин Б.А. За Родиной. Париж, 1922. С. 174.

⁷ ЦА ФСБ. Д. Р-49590. Т.1. Л. 110б–113.

⁸ Там же. Т. 2. Л. 107.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Т. 1. Л. 115–115об.

¹¹ Там же. Л. 119об.

¹² Там же. Л. 180об.

¹³ Там же. Л. 260об.

¹⁴ Там же. Л. 207об.

¹⁵ Там же. Л. 95.

¹⁶ Там же. Л. 41.

¹⁷ Там же. Л. 222об.

¹⁸ Там же. Л. 294об.

¹⁹ Там же. Л. 239об.

²⁰ Там же. Л. 293об.

²¹ Там же. Л. 208.

²² Там же. Л. 145.

²³ Там же. Л. 249.

²⁴ Там же. Л. 188.

²⁵ Там же. Л. 61об.

²⁶ Там же. Л. 315; Т. 2. Л. 155–157.

²⁷ Там же. Т. 1. Л. 316.

²⁸ Там же. Л. 263–266об.

²⁹ Там же. Л. 268об.

³⁰ Там же. Л. 297.

³¹ Там же. Т. 2. Л. 142.

³² Там же. Л. 140.

³³ Там же. Т. 1. Л. 321.

³⁴ Там же. Т. 2. Л. 74–75.

³⁵ Там же. Т. 1. Л. 74.